

Ф
ИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ

3

1965

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

35

а

398

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЬМОЙ

3 (31)

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»

МОСКВА

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Г. В. ПЛЕХАНОВ О ТВОРЧЕСТВЕ С. КАРОНИНА

Н. А. Горбанев

За последние годы наши исследователи сделали немало для освещения взглядов Плеханова на творчество Г. И. Успенского. В то же время его критические суждения о других писателях-народниках редко становятся предметом специальных исследований. А между тем в статьях Плеханова, объединенных в серии «Наши беллетристы-народники», вырисовывается цельная и стройная концепция развития народнической литературы в 70—80-е годы.

В каком же виде представлялась Плеханову картина этого развития? Какое место отводил он в ней Каронину? Ответы на эти вопросы дают история публикации названной серии и некоторые замыслы Плеханова.

Первоначально эта серия состояла из двух статей: «Г. И. Успенский» и «С. Каронин», — опубликованных в 1888 и 1890 гг. в сборниках «Социал-демократ». В 1897 г. Плеханов поместил в журнале «Новое слово» статью «Н. И. Наумов». В 1905 г. он включил все три статьи в сборник «За двадцать лет», причем вынес статью о Наумове на первое место. В двух последующих изданиях сборника (1905 и 1908 гг.) ни состав серии, ни порядок следования статей в ней не менялись. Редактор собрания сочинений Плеханова Д. Рязанов, вопреки воле автора, расположил статьи о беллетристах-народниках в порядке их написания, и этот хронологический принцип сохранился во всех других публикациях серии «Наши беллетристы-народники», тогда как авторский вариант серии не был случайным: Плеханов рассматривал Наумова как писателя, типичного для ранней народнической литературы, поэтому он не мог, не смещая исторической перспективы, заключить разбор его творчества свою серию, предыдущие статьи которой анализировали творчество Успенского на переломе 70—80-х годов и творчество Каронина 80-х годов. По-видимому, этими же соображениями Плеханов руководствовался и во время работы над «Историей русской общественной мысли», собираясь излагать раздел о народнической беллетристике в такой последовательности: «Златовратский. — Г. Успенский. — Каронин» (XX, стр. XXVIII)¹.

В обоих случаях плехановский анализ народнической литературы замыкается творчеством Каронина. Это диктовалось и тем, что Каронин позже других беллетристов-народников вошел в литературу, и представлениями Плеханова о его особом месте среди писателей этой плеяды. Именно его Плеханов имел в виду, когда делился с С. М. Кравчинским замыслом работы о народнической беллетристике: «Я отдам нашим народникам должную им дань уважения. Вместе с тем я покажу, что в нашей беллетристике начинается ... новое направление, кото-

¹ Все цитаты и ссылки, кроме оговоренных особо, приводятся по изданию: Г. В. Плеханов, Соч., тт. I—XXIV, Госиздат, 1923—1927 (в скобках указываются том и страница).

рое должно, наконец, ввести нашу общественную мысль в ее зрелый период»². Мысль о новаторском характере творчества Каронина выражена во всех трех статьях серии «Наши беллетристы-народники».

Какие же черты творчества Каронина представлялись Плеханову ценным, новым звеном в народнической литературе 70—80-х годов?

По мысли Плеханова, оригинальность Каронина сказалась прежде всего в разработке им крестьянской темы. В циклах «Рассказы о парашкинцах» и отчасти «Рассказы о пустяках» писатель подметил в народной жизни такие стороны, «каких мало касались или совсем не затрагивали наши народники-беллетристы» (X, 92). Говоря об отношении литераторов-народников к пореформенной действительности, Плеханов замечал, что они «охотнее созерцают зрелище смерти, чем рождения, охотнее изображают гибель старого, чем появление нового»³. В качестве исключения он называл Каронина (X, 131), который глубоко исследовал обе стороны происходящего в деревне процесса, т. е. показал и распад «старо-дедовских устоев», и зарождение в крестьянской среде «того, чего никогда не было». Это и обеспечило Каронину; с точки зрения Плеханова, особое место в народнической литературе 70—80-х годов.

Самому Плеханову это дало возможность широко и эффективно использовать произведения Каронина в борьбе с народническим догматизмом. Прежде всего, он нашел в них ответ на вопрос «быть или не быть общине?»: «Недостаточно одобрять общину в принципе, нужно спросить себя, каково живется *современным русским общинникам в современной русской общине* и не лучше ли было бы, если бы эта современная община — со всеми ее *современными, действительными*, а не *вымышленными условиями* — перестала существовать?» (X, 83).

Пристальное внимание Плеханова привлекла и другая сторона каронинских рассказов: изображение роста в крестьянской среде «новых чувств, новых взглядов на вещи и новых умственных потребностей» (X, 71), порожденных русской действительностью пореформенной поры. Писатели-народники, рисуя преимущественно те ужасы и бедствия, которые нес народу капитализм, не могли все же пройти мимо положительного влияния совершившегося в деревне переворота на народную психологию и мысль. Наблюдения такого рода Плеханов отмечает у Златовратского и Г. Успенского. В ряду писателей-народников Плеханов выделяет Каронина, для которого «процесс перерождения русского крестьянства» был одной из главных тем и который изобразил этот процесс наиболее рельефно.

Разбирая «Рассказы о парашкинцах» и «Рассказы о пустяках», Плеханов констатировал вслед за писателем, что в бегстве крестьян из деревни повинны не только голод и нищета, но и растущее в крестьянской среде чувство собственного достоинства, выход крестьянской мысли за узкие пределы хозяйства. Прекрасные примеры тому Плеханов нашел в рассказах «Деревенские нервы» и «Больной житель», «Вольный человек» и «Ученый». Выведенные Карониным разнообразные типы «вольных людей», «ученых» и т. п. из крестьянской среды являются, по Плеханову, подлинным «знаменем нового времени». Они свидетельствуют о том, что вторжение новых экономических отношений в русскую деревню вызывает к жизни «такие стороны крестьянского ума и характера, развитие которых было невозможно при старых порядках и в то же время было необходимо для дальнейшего поступательного движения народа» (X, 92).

Следует сказать, что в критике 80—90-х годов эта важнейшая сторона произведений Каронина осталась почти незамеченной. За исклю-

² «Исторический архив», 1956, № 6, стр. 8.

³ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, М., Соцэкгиз, 1938, стр. 245.

чением М. Протопопова, который бесосновательно утверждал, будто Каронин «идеализировал народную жизнь», изображал ее чересчур светлыми красками⁴, критики видели в его рассказах одни мрачные стороны крестьянского быта. «В целой серии рассказов про парашкинцев, — писал, например, А. Богданович, — представлен с поразительным реализмом необъятный мир тьмы, невежества, животного прозябания»⁵. На подобной же позиции стояли и другие критики — А. Слепцов и Н. Санин, А. Скабичевский и А. Пыпин⁶. В одном лишь «Северном вестнике» была высказана в форме предположения и с оговорками мысль, которая так четко выражена в статье Плеханова. Разбирая образ Фрола Пантелеева в рассказе «Безгласный», рецензент журнала писал: «Этот тип — если только Фрол тип, а не редкостное исключение — еще очень мало разработан нашей литературой. Он создан и вызван к жизни условиями, совершенно изменившими существование деревни, которая теперь всё чаще и чаще приходит в соприкосновение с городом. Под новыми впечатлениями и влияниями не пробуждается ли мысль деревни? Не растет ли в мужике самосознание?»⁷.

Каронин отвечал на этот вопрос довольно определенно, и Плеханов приветствовал его как замечательного исследователя народной жизни, рисовавшего народ не таким, «каков он есть», а таким, каким он становится под влиянием происходящих в пореформенной деревне перемен.

Новаторство и оригинальность Каронина сказались, по мнению Плеханова, не только в освещении крестьянской темы, но и в его подходе к изображению рабочего класса.

У писателей-народников рабочая тема занимала сравнительно немного места. Плеханов с сожалением констатировал этот недостаток народнической беллетристики. «Много интересного мог бы подметить в рабочей среде такой тонкий наблюдатель, как Г. И. Успенский, — писал он, — но наши народники-беллетристы обыкновенно не обращали на нее никакого внимания. Для них «народ» кончался там, где исчезала крестьянская непосредственность и где завещанная предками философия Ивана Ермолаевича разлагается под влиянием пробудившейся мысли работника» (III, 139).

Были, правда, исключения из этого правила: так, сам Плеханов находил «Не мало интересных сведений о быте и нравах приисковых рабочих» в рассказах Наумова⁸; отметил он и образ Михаила Ивановича в цикле Успенского «Разоренье» (X, 14). При всем том в народнической литературе 70—80-х годов Плеханов смог выделить лишь одно произведение — повесть Каронина «Снизу вверх» (1886), в которой молодой русский пролетариат рисовался с достаточной глубиной, в соответствии с исторической правдой. Плеханов дал этой повести чрезвычайно высокую оценку и поднял в связи с ней самые важные вопросы общественно-литературной борьбы 80—90-х годов и развития демократической литературы.

Главным завоеванием писателя Плеханов считал создание образа Михаила Лунина — молодого крестьянина, порвавшего с деревней, ушедшего в город вследствие стремления жить «по-человечьему» и ставшего там грамотным рабочим с довольно широкими интересами. Духовный и нравственный облик Лунина позволил Плеханову дать ответы на вопросы, которые остро стояли в полемике между марксистами и

⁴ «Русская мысль», 1891, № 10, стр. 199.

⁵ «Мир божий», 1898, № 11, отд. II, стр. 11.

⁶ См.: А. Слепцов, Н. Е. Петропавловский (Каронин), «Русское богатство», 1893, № 6, отд. II, стр. 84—85; Н. Санин, Н. Е. Петропавловский (Каронин), «Научное обозрение», 1899, № 7, стр. 1329; А. Скабичевский, Мужик в русской беллетристике, «Русская мысль», 1899, № 5, стр. 103—105; А. Пыпин, Деревня, «Вестник Европы», 1893, № 4, стр. 758—759.

⁷ «Северный вестник», 1898, № 11, отд. II, стр. 11.

⁸ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, М., Соцэкгиз, 1938, стр. 247.

народниками. «Человек будущего в России — мужик», — думали представители крестьянского социализма, народники в самом широком значении этого слова. Человек будущего в России — рабочий, — думают социал-демократы⁹, — так формулировал В. И. Ленин один из пунктов разногласий. В первых двух статьях серии «Наши беллетристы-народники» Плеханов, поднимая этот вопрос, подробно рассмотрел образ крестьянина Ивана Ермолаевича в очерках Г. Успенского «Крестьянин и крестьянский труд» и образ Михаила Лунина.

По характеристике Плеханова, Иван Ермолаевич — это «чрезвычайно художественный тип «настоящего» русского крестьянина доброго старого времени», который «заключает в себе ответы на многие «проклятые» вопросы русской истории» (III, 139). Основные черты его социально-психологического облика — консерватизм, индивидуализм и темнота. И в молодом рабочем Михаиле Луине Плеханов сочувственно выделяет все то, что выгодно отличает его от Ивана Ермолаевича: стремление не только к обеспеченной, но и разумной жизни, неуемную жажду знаний и борьбы с тем, что мешает ему и его собратьям жить подлинно человеческой жизнью. «Иван Ермолаевич склонен схватить «колебателя основ» и, связав его, как вора, представить кому следует. Михайло Луин сам не сегодня-завтра примется колебать «основы». Взоры Ивана Ермолаевича устремлены в *прошлое*. Он живет или хотел бы жить так, как жили его «прародители» ... Михайло Луин с содроганием и ужасом слушает рассказы о жизни «прародителей» и старается создать себе возможность иной, *новой* жизни, обеспечить себе иное, лучшее *будущее*. Словом, один представляет собою старую, крестьянскую, допетровскую Русь, другой — новую, нарождающуюся, рабочую Русь» (X, 105), которой принадлежит будущее, — так заключал Плеханов сопоставление этих двух образов.

Нельзя, однако, не отметить, что столь резкое противопоставление крестьянина Ивана Ермолаевича и рабочего Михаила Лунина не лишено односторонности. Ошибка Плеханова в том, что он распространил здесь на все крестьянство черты, свойственные лишь определенной части его. Это дало народникам основание упрекать Плеханова в недооценке революционных возможностей крестьянства¹⁰.

В «истории одного рабочего», рассказанной Карониным, в умственных и нравственных стремлениях Михаила Лунина Плеханов нашел столь редкое в литературе 70—80-х годов отражение «той жажды знания», которая овладела молодым русским пролетариатом, и «той жажды борьбы, которая нераздельна у него с жаждой знания» (III, 383). Именно поэтому он горячо приветствовал писателя и в оценке его повести наиболее резко разошелся с народнической критикой. Рецензент «Русской мысли», упоминаемый Плехановым (X, 59), Слепцов, Скабичевский — все эти и многие другие критики расценивали образ Лунина как «продукт необузданной и тенденциозной фантазии автора»¹¹. На фоне народнической критики, которая в лице Протопопова, Скабичевского и других прошла мимо того нового, что внес Каронин в изображение современной деревни, заслуга Плеханова в оценке повести «Снизу вверх», да и всего творчества Каронина, становится особенно очевидной¹².

⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 280.

¹⁰ См.: М. Турский, «Социал-демократ. Литературно-политический сборник, кн. I», «Свобода», 1888, № 13—14, стр. 7—9.

¹¹ См.: «Русская мысль», 1886, № 8, отд. II, стр. 123—124; «Русское богатство», 1893, № 6, отд. II, стр. 95; «Русская мысль», 1899, № 4, отд. II, стр. 125—126.

¹² Недооценка повести «Снизу вверх» имела место не только в народнической критике. Один из столпов легального марксизма П. Струве называл ее «слабой по исполнению», находил в ней «крупные художественные грехи» («Новое слово», 1897, № 8, отд. II, стр. 50).

Она станет еще более ясной, если учесть, что Плеханов не только дал глубокую оценку творчества Каронина, во многом сохранившую свое значение до настоящего времени, но и поставил в связи с ним вопрос об изображении рабочего класса, освободительного движения пролетариата в литературе. «В стране уже начинается историческое движение, способное вдохновить самого великого художника» (X, 60), — писал Плеханов и призывал писателей-народников обратиться к изображению молодого русского пролетариата, его борьбы. По его убеждению, «это будет большим шагом вперед в развитии нашей художественной литературы» (X, 131), повысит ее общественную роль и художественную ценность. В преддверии этой литературы, о которой в 80—90-е годы мечтал Плеханов, стоял Каронин с его «историей одного рабочего». Так в статьях о народнической литературе вырисовываются контуры положительной программы Плеханова. Впервые в истории русской критики историческое движение рабочего класса утверждалось здесь как первостепенная тема художественной литературы.

Дагестанский педагогический институт

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Стр.

✓ Л. С. Бархударов. О некоторых проблемах трансформационной грамматики (на материале английского языка)	3
М. А. Шелякин. Комплетивное значение приставочных глаголов в русском языке	11
Н. Ф. Молчанова. О закономерностях распространения в истории русского языка флексии <i>-ах</i> в формах местного падежа множественного числа существительных мужского рода	20
Л. П. Новикова. Функциональная эквивалентность предлогов и предложных сочетаний в современном французском языке	29
В. Н. Станиславлева. Литература и время (Л. Леонов о литературе социалистического реализма)	38
И. В. Мыльцына. Горнозаводские романы и «производственные» очерки Ф. М. Решетникова	50
Н. Я. Дьяконова. Проза английского романтизма (Чарльз Лэм)	60

Дискуссии и обсуждения

Т. П. Ломтев. Принцип бинарности в фонологии	72
О. С. Широков. Бинарные дифференты и моделирование фонологических систем	88
Л. А. Кищинская. Уроки одной полемики (А. В. Луначарский об эстетических принципах Г. В. Плеханова в работах о Чернышевском)	98

Материалы и сообщения

Н. А. Горбанев. Г. В. Плеханов о творчестве С. Каронина	107
В. И. Глухов. К оценке Герценом «лишних людей»	112
А. В. Карякина. Круг чтения Н. Г. Чернышевского в Александровском заводе	119
Е. Я. Кирилина. К биографии Павла Грабовского	123
Т. М. Николаева. Что же такое графема?	130
А. Р. Арутюнов. Ядерные конструкции с отношением двойной предикации в современном немецком языке	135
М. А. Брицын. Из истории древнерусских судебных терминов	141
П. И. Сенин. Заметки о словарях первого десятилетия советской эпохи	150

По страницам зарубежной печати

С. М. Потапов. Некоторые вопросы стилистики и культуры речи в журнале «Sprachpflege» за 1964 г. (ГДР)	154
---	-----

Критика и библиография

Р. А. Будагов. Iorgu Iordan, Lingvistica romanică. Evoluție, curente, metode, București, 1962, 439 стр.	158
Ю. А. Романеев. Gerta Hüttl-Worth, Foreign Words in Russian. A Historical Sketch, 1550—1800, «University of California Publications in Linguistics», vol. 28, University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1963, 132 стр.	163
А. Иорданский, В. В. Иванов, Историческая грамматика русского языка, Изд-во «Просвещение», М., 1964, 452 стр.	168

Научная жизнь

Елена Кржижкова. Заседание Международной комиссии по изучению
грамматического строя славянских языков 171
Н. В. Омелянович. Конференция по языкам народов Юго-Восточной Азии 175
Ж. Урбанавичюте. Научно-исследовательская работа кафедр литовского
языка и литовской и зарубежной литературы Вильнюсского государствен-
ного пединститута 178
И. Соколова. О научной работе кафедры русского языкознания филологи-
ческого факультета ТашГУ в 1963—1964 гг. 181

Письма в редакцию

С. Б. Тошьян 183

* *
*

Памяти Бориса Васильевича Михайловского 187